

Волшебный рог мальчика

Старинные немецкие песни,
собранные Ахимом фон Арнимом
и Клеменсом Брентано

Alte deutsche Lieder
L. Achim v. Arnim • Clemens Brentano.
Erster Theil Zweite Auflage.

Сборник
Ахим фон Арним
Клеменс Brentано
Волшебный рог мальчика.
Старинные немецкие
песни, собранные
Ахимом фон Арнимом
и Клеменсом Brentано

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69569350

Волшебный рог мальчика. Старинные немецкие песни, собранные

Ахимом фон Арнимом и Клеменсом Brentано / пер. с нем. С.

Городецкого; предисл. Т. Набатниковой: Алетейя; Санкт-Петербург;

2023

ISBN 978-5-00165-667-8

Аннотация

Впервые на русском языке выходит один из наиболее значимых памятников немецкоязычной литературы – «Волшебный рог мальчика» – сборник народных песен, записанных виднейшими представителями немецкого

романтизма Ахимом фон Арнимом и Клеменсом Brentано. В него вошли 723 песни, исполнявшихся на протяжении нескольких столетий. Сборник оказал существенное влияние на многих авторов XIX и XX вв. Гёте писал: «Книжечка эта по праву должна находиться в каждом доме, где обитают живые люди... чтобы ее можно было раскрыть в любую минуту хорошего или дурного настроения, всегда находя в ней что-нибудь созвучное или волнующее».

Настоящая книга включает в себя переводы первого тома сборника.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	10
Волшебный рог мальчика	16
Посвящение	17
Часть первая	23
Волшебный рог	23
Дочка султана и Князь цветов	25
Тель и его сын	28
Бабушка Знахарка	30
Видение Исайи	32
Заклинание огня	32
Бедолага	35
Смерть и девушка в саду цветов	36
Ночные музыканты	41
Строптивая невеста	43
Боязнь монастыря	45
Рыцарь-пустомеля	45
Черная ведьма	47
Доллингер	50
Неравная любовь	52
Радушие зимы	54
Великая Дева	55
Любовь и пряжа	57
Гусарская вера	59

Гамельнский крысолов	60
Принаряжайся, Грета!	62
Песня о кольце	64
Рыцарь и девушка	66
Генришка Конрад, писака в кузовке	70
Песня жнецов	72
Избыток учености	74
Битва при Муртене	76
Испытание любви	79
Сокол	81
У Господа время летит	83
Кустик руты	88
Монахиня	89
Ревельге	92
Карнавал	94
Воровство	95
Наводнение	97
Барабанщик	98
Давид	99
Срочно нужно	101
Прислуга	103
В счастья час ты вспомни обо мне	105
Тангейзер	107
Неравный брак	111
Колыбельная	114
Соловушка	115

Евреи в Пассау	115
Военная песнь против Карла V	119
Конец ознакомительного фрагмента.	121

**Волшебный рог мальчика.
Старинные немецкие
песни, собранные
Ахимом фон Арнимом
и Клеменсом Brentано**

Des Knaben Wunderhorn

Alte deutsche Lieder

gesammelt von L. Achim von Arnim und Clemens Brentano

Перевод данной книги был поддержан грантом в рамках программы Гёте-Института, финансируемого Министерством иностранных дел Германии

The translation of this work was supported by the Goethe-Institut, which is funded by the German Ministry of Foreign Affairs

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© Т. Набатникова, предисловие, 2023

© С. Городецкий, перевод на русский язык, 2023

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2023

Предисловие к русскому изданию

Если обратиться к любой народной культуре, ближе всего к собственной, русской, то сразу бросаются в глаза какие-то характерные особенности и закономерности. Например, зачин наших песен: это некое бесспорное явление природы, от которого можно оттолкнуться, чтобы взять разгон: «Ой, цветёт калина в поле у ручья». Но дело-то не в калине, а в другом: «Парня молодого полюбила я».

«Расцвела сирень-черёмуха в саду на моё несчастье, на мою беду»,

«Расцветали яблони и груши, поплыли туманы над рекой»,

«Раскинулось море широко, где волны бушуют вдали».

Можно оттолкнуться и от факта отрицания природного явления: «То не ветер ветку клонит, не дубравушка шумит». А что же тогда делается? «То моё сердечко стонет, как осенний лист дрожит».

Или: «То не лёд трещит, не комар пищит, это кум до кумы судака тащит».

«Не ветер бушует над бором, не с гор побежали ручьи, Мороз-воевода дозором обходит владенья свои».

Я намеренно не привожу авторство этих цитат, потому что они не только ушли в народ и стали анонимными, но и вышли из народа, созданы по фольклорному образцу.

В этом зашифрован наш культурный код, преобладание огромных пространств, враждебный климат, радость малейшего пробуждения из смертной бездвижности. С первыми ростками живой природы рождается и песенный порыв.

У других народов другое окружение, другие фольклорные мотивы. Расшифровка своего национального кода не может не увлечь творческий ум. И в 1802 году двое молодых немецких интеллектуалов – Ахим фон Арним (1781–1831) и Клеменс Брен-тано (1778–1842) – предприняли путешествие по Рейну, которое затянулось на четыре долгих года, географически охватывая Южную Германию, Швейцарию, Италию и Францию. Сейчас это называлось бы фольклорной экспедицией. Фон Арним в университете изучал юстицию, занимался физикой и химией, Клеменс Brentано изучал торговое и горное дело, медицину – могли ли эти пытливые умы не впасть в ересь романтической поэзии, особенно наслушавшись народных песен, начитавшись «песенников», были у тогдашних издателей в ходу такие изделия – «листовки»: сборники, состоящие из двух-восьми песен, напечатанных на одном или нескольких двойных листках, скреплённых между собой. В середине XVIII века такие листовки приносили основной доход издательству среднего размера. Они были рассчитаны на массовый спрос и отвечали «народному вкусу». Вместо выходных данных издатели изобретательно указывали место и время публикации: «Напечатано чёрным по белому», «Напечатано в этом году, когда март

был перед апрелем. И не было денег среди народа. Вот и я не смог разбогатеть». Материал содержал только популярные в народе духовные и светские песни; редакторы нередко сокращали, упрощали и «улучшали» их по своему усмотрению. Наборщики допускали множество ошибок, и даже сами эти ошибки иногда рождали отдельные художественные эффекты.

«Листовки» содержали народные тексты, переведённые в печатный вид, но не отделённые от своего происхождения и предназначения: простой читатель приобретал их за бесценок на городской ярмарке.

Уже в XIX в. листовки с песнями были собраны, систематизированы и хранятся в Берлинской государственной библиотеке.

Первоначальный смысл искажённых произведений восстановить было невозможно, и составители восполняли пробелы текста своими поэтическими вкраплениями. Уже одно это позволяет проследить контекст интерпретаций романтиками народных песен.

После экспедиции фон Арним и Brentано в 1804–1808 гг. в Гейдельберге приступили к созданию сборника. Наряду с народными песнями в него вошли и песни Герхардта, С. Даха, Опица и других поэтов XVI–XVII вв., ушедшие в народ. С ними соседствуют и авторские тексты составителей. Их художественная обработка определяет всё дальнейшее развитие немецкой лирики до конца XIX в.

Этот сборник – памятник национально-исторического направления гейдельбергского кружка, в который входили и братья Гримм, известные собиратели корпуса народных сказок. «Волшебный рог» оказал огромное влияние на немецкую лирическую поэзию. Густав Малер положил некоторые из этих текстов на музыку.

Немецкая фольклористика подробно изучает этот сборник, в русской же германистике за этот сборник «отвечает» диссертация А. И. Есаулова: «"Волшебный рог мальчика": стратегии рецепции фольклорного материала». Эта работа анализирует концепцию авторства, определяет восприятие поэм Оссиана для формирования «горизонта ожидания» читателя, представляет историю создания сборника, прослеживает процесс рецепции фольклорных источников.

Вот некоторые выдержки из этой диссертации:

«Из переписки авторов "Волшебного рога" можно увидеть их понимание "народной песни". Тексты не являются "истинно"-народными, они претерпевают коррекцию, отбор, шлифовку, композиционные и тематические изменения. Для составителей важна культурная функция, которая достигается соединением в одном сборнике песен различного происхождения и характера.

Авторские "вторжения" в оригинальный текст никогда не носят деструктивного характера по отношению к художественному целому песни. Арним и Brentano сохраняют как можно больше оригинальных строк песни, её образность, ме-

тафорику, сюжет, но все эти элементы доводятся романтиками до известной степени совершенства. Это либо стилевая контрастность, отделяющая две речевые инстанции друг от друга, либо использование рефрена народного мотива.

Песни в различных «листочках» часто заимствуют целые строфы друг друга, и это соответствует эстетическим принципам открытости народной песни. Сосуществование традиций устного и письменного текстов в пределах одного авторского произведения можно наблюдать на примере добавленной составителями строфы, меняющей тон с сатирического на трагический.

Авторы сознательно отошли как от «классического» воспроизведения готового народного текста, так и от полной его замены авторской стилизацией. Цель сборника – жизнь в памяти народа, живое присутствие корпуса текстов в устной, развивающейся традиции.

Работая над оригинальным материалом, фон Арним и Brentano отказываются от научной точности в его передаче, позволяют себе вносить в тексты изменения, использовать позднейший вариант, а не первоначальную редакцию источника, компилировать несколько оригиналов в новый поэтический текст. Все эти действия кажутся недопустимыми с точки зрения «классической» филологии. Новая германистика конца XVIII – начала XIX вв. по-новому работает с национальной литературной традицией и не ищет первоначальный вариант, очищая тексты от позднейших насло-

ний. Они отрицают классический подход, потому что их материалом является иной, неклассический тип словесности. Напечатанная в листовке народная песня – тоже часть устной традиции. Народная песня не может быть спета каждый раз одинаково, она живёт изменениями. Их способ работы с устным текстом – художественный, поэтический подход».

Переводчик этой замечательной книги Святослав Городецкий неотступно придерживается точности, ритма, духа и буквы первоначального текста. По его переводу филологам можно изучать закономерности немецкого фольклора, даже не зная языка.

Татьяна Набатникова, переводчица с немецкого

Волшебный рог мальчика

Des Knaben Wunderhorn

Alte deutsche Lieder

L. Alexim v. Arnim • Clemens Brentano.

Посвящение

Его превосходительству господину тайному советнику фон Гёте

Во время Аугсбургского рейхстага¹ забавная история вышла с Грюненвальдом, певцом при дворе герцога Вильгельма Мюнхенского. Он был прекрасным музыкантом и компанейским выпивохой; не понравилось ему, чем его потчевали за столом милостивого князя и господина, посему он отправился искать лучшее общество для ума и сердца, с которым храбро бражничал, пока не истратил все дары на хмельную влагу и добрую закуску. Когда же пришло время расплачиваться, он попросил хозяина записать за ним восемь гульденов. Позже хозяин узнал, что мюнхенский герцог и прочая знать собираются уезжать, он пришел к любезному Грюненвальду и попросил вернуть долг. «Милейший хозяин, – отвечал Грюненвальд, – прошу вас за ради всей честной компании, с которой мне довелось столоваться, повременить с этим делом до моего возвращения в Мюнхен, поскольку сейчас я не при деньгах. Ехать тут недалеко, и я пришлю вам все при первой okazji, ведь в Мюнхене у меня хватит драгоценностей и монет для погашения долга». – «Дай тебе Бог, –

¹ Всесословное собрание Священной Римской империи, прошедшее в июне 1530 г.

говорит хозяин, – только мне от этого не легче, мои кредиторы не принимают к оплате слов. Те, у кого я покупаю хлеб, вино, мясо, соль, сало и прочие яства. Стоит мне оказаться на рыбном рынке, как рыбаки сразу видят, плачу я наличными или беру в долг. Если в долг, то они дерут вдвое больше. Вы же, господа, садитесь за стол и просите нести одно блюдо за другим, не имея ни пфеннига в кармане. Поэтому на сей раз я от своих слов не отступлюсь. Сможешь заплатить мне – добро, не сможешь – я немедля обращусь в секретариат милостивого мюнхенского герцога, который наверняка подскажет мне, как вернуть одолженное».

Любезному Грюненвальду приставили клинок к горлу, он не знал, куда деваться, ибо сурово обошедшийся с ним хозяин явно прошел школу у самого дьявола. Он начал было припоминать самые нежные и ласковые слова, которые когда-либо слышал или учил, но все напрасно. А вот хозяин молчать не хотел: «Я церемониться не стану. Наеду, не спущу. Ты денно и ночью наедался до отвала, заказывал лучшие вина из моего погреба, поэтому теперь не юли. Если нет денег, отдавай плащ, тогда я еще смогу повременить. Но если ты не вернешь долга, я пушу его с аукциона, попомни мое слово». – «Ладно, – согласился Грюненвальд, – я скоро что-нибудь придумаю». Он сел, взял бумагу, перо и чернила и сочинил следующую песенку:

Раз встал я утром рано,

Чтоб в Мюнхен мне идти,
Но как это ни странно,
Не отыскал пути:
Был долг хозяину немал,
Хотел я рассчитаться,
Но как, увы, не знал.

«Мой гость, мне доложили,
Уйдете вы вот-вот,
Но вы не оплатили
За столованье счет.
Коль плащ дадите свой,
Я буду ждать уплаты
Еще денек-другой».

Та речь меня смутила,
Мой дух был омрачен,
Ведь мне судьба сулила
Прощание с плащом.
Он канет втуне с молотка,
А я уйду бесславно —
Бесчестье на века.

«Хозяин мой, терпенье!
Позволь повременить
И я найду решенье,
Как долг свой уплатить.
Сыщу достаточно монет,
Пусти меня на волю,

Сей не покину свет».

«Любезный гость, едва ли
Я снова в долг вам дам,
Что б вы ни заявляли,
Платите по счетам.
Я нес вам лучшее вино,
Встречал и днем, и ночью,
Уплаты жду давно».

Хозяин не смягчился,
Что б я ни говорил.
Он только больше злился,
Судом мне пригрозил.
И я б надежду потерял,
Когда б любезный Фукер
Совета мне не дал.

«О, Фукер, я с мольбою
Теперь к тебе пришел.
Дай справиться с судьбою,
Избавь от тяжких зол.
Забрал в залог хозяин плащ,
Ему он приглянулся,
И не отдаст – хоть плачь».

Тут Фукер благородный
Все деньги сразу внес.
Я снова стал свободный,

Повыше поднял нос
И в Мюнхен тут же поспешил.
Прощай, хозяин-скряга,
Ты мне уже не мил.

Наспех сочинив эту песенку, Грюненвальд отправился к Фукеру и велел доложить о своем приходе. Представ перед Фукером, он уверил его в должном почтении, после чего сказал: «Милостивый государь, я слышал, будто милостивый герцог собирается отправиться в Мюнхен. А мне, знать, не удастся уйти отсюда, уповаю только на вашу милость. Я сочинил для вас новую песенку, и если вам будет угодно послушать, исполню ее сей же час». Добрейший Фукер был от рождения человеком смиренного нрава и отвечал: «Мой Грюненвальд, я весьма охотно ее послушаю, если есть другие певцы, которые помогли бы тебе исполнить эту песню, пусть приходят». – «Милостивый государь, – смутился Грюненвальд, – мне придется справляться в одиночку, ибо тут не помогут мне ни бас, ни дискант». «Тогда пой», – сказал Фукер. Прекрасный Грюненвальд запел и исполнил песню в весьма игривом духе. Любезный Фукер понял его беду, однако счел, что дело не настолько плохо, как поется в песне, а потому он сразу послал за трактирщиком. Узнав всю правду, он оплатил долг, спас плащ Грюненвальда и дал ему немало денег на пропитание. Тот благодарил и пошел своей дорогой, но тут поднялся ветер, который забавным образом унес плащ к дому мелочного трактирщика, напустился на него и разбил

ему окна: поэтому никогда нельзя пренебрегать искусством.
(Из «Дорожной книжечки»²)

Мы принимаем сторону бедного Грюненвальда. Общественный приговор подобен злосчастному трактирщику – он не возьмет в покрытие долга наши имена и плащ наших вынужденных песен. Но доброта богатого Фукера вселяет в бедного певца надежду, что ваше превосходительство отнесется к ним благосклонно.

Л. А. фон Арним, К. Брентано

² Сборник шванков Йорга Викара (1555)-

Часть первая

Волшебный рог

Мчит мальчик скок-поскок
К царице на порог.
Коня он осадил,
Колено преклонил.

О, что за свет лучат

Глаза всех дам подряд!
И держит он в руках
Рог в расписных шелках,

В оправе золотой
Камней сверкает строй:
Рубин, сапфир, алмаз
Пленяют всякий глаз.

Слоновой кости рог
Велик, красив и строг,
Чудесен его вид,
На нем кольцо горит.

И колокольцев ряд
Поет так сладко в лад —
Среди глубин морских
Собрали вместе их.

Русалки щедрый дар
Пылает как пожар,
Царице принесен,
Чистейшей среди жен.

Тут мальчик ей сказал:
«Чтоб рог мой заиграл —
Лишь пальцем прикоснись,
Лишь пальцем прикоснись...

Все колокольца в ряд
Так сладко зазвучат —
Нежнее тот напев,
Чем пенье арф и дев,

Птиц в небе голубом,
Сирен в краю морском —
Где им тягаться с ним!»
И махом он одним

К царице подскочил,
Чудесный рог вручил.
Лишь пальцем прикоснись,
И звуком насладись!

Дочка султана и Князь цветов Из старинной кельнской листовки³

Жила-была султана дочь,
Вставать любила рано —
Чуть только утро сменит ночь,

³ Здесь и далее под листовкой («*fliegendes Blatt*») понимается небольшой печатный сборник песен. Такие сборники были широко распространены в Германии XVIII века и послужили одним из основных источников текстов для «Волшебного рога мальчика». Подробнее см. диссертацию А. И. Есаулова «Волшебный рог мальчика»: стратегии рецепции фольклорного материала» (М., 2010).

Спешила в сад султана.

Смотрела, как блестят цветы,
В росе искристой млея,
«Но кто Творец сей красоты, —
Подумала немея, —

Должно быть, тот Творец велик,
Дары Его святые,
Раз вертограды он воздвиг
Прекрасные такие.

Увидев лик Его хоть раз,
Его б я полюбила!
Отца оставив тот же час,
Я б сад его растила».

И светлый муж ночной порой
Явился к ней однажды:
«Открой, красавица, открой,
Я полон сильной жажды».

Дитя скорей к окну бежит,
Отринув грезы ночи,
Там перед ней Христос стоит
И смотрит деве в очи.

Дверь распахнула вмиг она,
Главу склонила долу

И, вящей радости полна,
Ждет внять Его глаголу.

«Откуда мог в наш султанат
Сей Юноша явиться?
Он краше остальных стократ,
Никто с Ним не сравнится».

«Услышал, дева, я твой зов,
Пришел я за тобою.
В саду Отца я – Князь цветов.
Пойдешь ли ты со Мною?»

«Скажи мне, Боже, далеко
До кущ Отца, до сада?
Там вечно ждать могла б легко:
Цветы – моя отрада».

«Средь вечности лежит мой сад,
Да и за ней – повсюду.
Венцом я красным твой наряд
Украсить не забуду».

И снял одно из тех колец,
Что золотом пылает:
«Идти желаешь под венец?» —
Он деву вопрошает.

Она с любовью всей к Нему

Сквозь муки и сквозь слезы:
«Скажи мне, сердце почему
Горит красней, чем розы?»

«Пылает сердце для тебя,
Те розы нес тебе Я,
И в час предсмертный возлюбя,
И в муки час слабея.

Отец зовет, идем скорей,
Я за тебя так бился», —
Сказал Христос и вместе с ней
В далекий путь пустился.

Телль и его сын
Переписано Арнимом с торца
дома в швейцарском Арте⁴

Телль

В кантоне Ури славном
Фогт шляпу натянул:
«Я быть желаю главным,
Чтоб всяк мне присягнул».
Не оказал я чести

⁴ Селение в кантоне Швиц.

Той шляпе никакой.
И фогт возжаждал мести:
«Вот тоже мне герой!»
Мол, душу твою выну,
Не так, мол, запоешь:
Сейчас с макушки сына
Ты яблоко собьешь.

Сын

Отец мой, в чем моя вина,
Что мне за участь суждена?

Телль

Замри дитя, коль жизнь мила,
И, верю я, моя стрела
К тебе не прикоснется.
Безвинен ты, безгрешен я,
Молися Господу, дитя,
Уж Он не промахнется.
Ты выше голову держи.
Стреляю я. Мы всякой лжи
Противимся сегодня!

Сын

Отец, Господь нас охранил:
Ты яблоко стрелою сбил —

Вот благодать Господня!

Бабушка Знахарка Из «Годви» Марии⁵ (Бремен, 1802)

Мария, куда ты обедать ходила?
Родимая дочка моя!

Я к Знахарке, к бабушке нашей, ходила.
Ах, матушка, тошно же мне!

И чем же она тебя угощала?
Родимая дочка моя!

Да рыбкой копченой она угощала.
Ах, матушка, тошно же мне!

А где же Знахарка ту рыбку поймала?
Родимая дочка моя!

Наверно, в саду среди трав и поймала.
Ах, матушка, тошно же мне!

А чем же она эту рыбку удила?
Родимая дочка моя!

⁵ «Годви» – роман Клеменса Брентано, изданный под псевдонимом Мария.

Волшебною палочкой, видно, удила.
Ах, матушка, тошно же мне!

А что ты не съела, куда подевала?
Родимая дочка моя!

За мною собачка ее доедала.
Ах, матушка, тошно же мне!

Куда же собачка потом побежала?
Родимая дочка моя!

Собачку на сотню частей разорвало.
Ах, матушка, тошно же мне!

Мария, а где б отдохнуть ты хотела?
Родимая дочка моя!

На кладбище я отдохнуть бы хотела.
Ах, матушка, тошно же мне!

**Видение Исайи
Мартин Лютер
Из «Новых сокровищ детей Божиих»
(Циттау, 1710)**

Очами духовными видел Исайя-пророк,
Как в славе Своей восседает на троне наш Бог,
Высок был тот трон, и повсюду он свет излучал,
Создателя нашего ангелов хор окружал.
И двух серафимов пророческий взор различил,
У каждого было по шесть ослепительных крыл.
Двумя прикрывали они свой лик,
Ещё два – чтоб взор к их стопам не проник,
На двух остальных по пространству паря,
Они славословили Бога-царя:
«Свят, свят, свят наш Господь Саваоф,
Осанна Создателю всех миров».
И так сотрясался от пения дом,
Как если б с небес снизошел в него гром.

**Заклинание огня
Устный фольклор**

Вот рыцари семерых привели
Цыган, чтобы их осудить смогли.
Те о невиновности своей
Кричат: им чашу вручил еврей.

Но судьи поспешны в решении дел,
Совет шестерых казнить успел.
Седьмой, их король, тут спокойно встал:
«Мне кажется, птиц я сейчас слышал!
Прислушайтесь все, обратитесь во слух.
Сейчас пропоет вам всем петух!»
И город тут же в огне запылал —
Огонь среди комнат и среди зал.

Петух на шпиле высоко сидит
И, словно Петра пробудивший, кричит.
Тут суд свой греховный отринул сон,
Признал, что излишне суров закон.

И бросился дружно молить короля,
Чтоб он их избавил от жара огня:
Коль дух этот пламенный он усмирит,
То суд ему сразу же жизнь возвратит.

И палочку смерти он берет,
И бьет по щекам судейский сброд,
Кричит: «Зачем вы пролили кровь?
Чем адский огонь вы потушите вновь?»

Сталь искры рождает, огонь полюбив,
А камень глядит на нее, молчалив,
Ужели по нраву вам эта игра?
Петух средь вас – понять бы пора».

И молвит цыган: «О, мой пламенный друг,
Довольно. Много горя, мук
Уже ты доставил, смирись, злодей,
Ты за Христа здесь карал палачей.

Тебя заклинаю я всем святым:
Дожди, что взял, уйди как дым.
Стань тих, как Иисус близ вод,
Крещения ждавший в свой черед.

Тебя заклинаю я жар сдержать,
Как Дева Мария, святая мать,
Держалась дальше от грехов —
Очистив град, удали свой покров».

Красный Петух от тех слов упорхнул,
Ветра стих разъяренный гул,
Огонь себя смиренно вел,
Волшебник сквозь него ушел.

Бедолага

Из «Свежих песенок» (Нюрнберг, 1505)

Трактиры мне – что дом родной,
Вы спросите: а кто ты?
Я бедолага молодой,
Мне есть и пить охота.

Меня не раз вводили в дом
И выпить предлагали,
Но, оглядев весь дом кругом,
Я шел в другие дали.

Сажали во главу стола,
Как будто я – купчина,
Когда ж платили все, брала
Меня тогда кручина.

А после спать ночной порой
Меня в сарае клали,
И бедолага молодой
Не знал конца печали.

В сараях жестко было спать,
Там трудно примоститься,
Из терний там всегда кровать,

Что любят в тело впитаться.

Вставая с утренней зарей,
Вдыхал я свежесть снега
И, бедолага молодой,
Скорей бежал с ночлега.

Я брал с собою верный меч
И, сбросив сна остатки,
Пешком спешил я в путь потечь,
Ведь не было лошадки.

Я поднимался и шагал
На запад и восток,
И мне кошель свой отдавал
Не раз купца сынок.

Смерть и девушка в саду цветов Из кельнской листовки

Однажды утром рано
Девушка вышла в сад,
Без всякого изъяна был облик и наряд;
Цветок сорвать хотелось ей,
Вплести его в венец
Средь злата и камней.

Тут к ней тайком подкрался
Престрашный человек —
Одежды он чурался,
Исчах весь и поблек.
И плоть, и кровь он иссушил,
И волосы в придачу,
И все остатки жил.

Он выглядел ужасно,
Лицо внушало страх.
Он рот открыл безгласно,
К девице сделал шаг,
Что так была нежна
И убоялась смерти,
Что так была страшна.

«Повеселей, девица,
Станцуй-ка ты со мной!
И я тогда украшу
Венец чудесный твой.
Его надеть не хочешь ты,
А он приятно пахнет —
В нем травы и цветы.

Я тем венцом венчаю,
Зовется смертью он,
Тебе я предлагаю
Его для похорон;

И все, кто путь вершит земной,
Все – рано или поздно, —
Станцуют все со мной.

Червей в земле роится
Несметный легион.
Твою красу, девица,
Мгновенно сгложет он.
Они и золотом твоим,
И жемчугами станут —
Их глад неодолим.

А может, ты не знаешь
Еще, кто я такой?
Никак не угадаешь,
Станцует кто с тобой?
Людьми я мрачной смертью зван,
Я всюду был на свете,
Объездил много стран.

Коса – мое оружие,
Я ей кошу людей
И в дверь стучу, коль нужно
Стоять мне у дверей.
Когда приходит смерти час —
Средь утра, дня и ночи, —
Ничто не скроет вас!»

Тут девушка, страдая

И мукой истомясь,
Спасения не чая,
Сказала: «Смерти князь,
Не торопись меня косить,
Я в самом сил расцвете,
Так хочется мне жить!

Отец тебя задарит,
Он золотом богат,
А скорбь его состарит —
Бери, что просит взгляд!
Оставь мне только жизнь мою,
И все свои богатства
Тебе я подарю!»

«Не надо мне ни злата,
Ни дорогих камней!
И как ты ни богата,
Я жажду лишь смертей.
Танцуй со мною ты скорей
Ведь тысячи танцоров
Ждут череды своей».

«О, смерть, возьми прислугу
Отцовскую сперва!
Ведь станет ему туго,
Коль буду я мертва.
Других детей в семействе нет,
Меня он не отдал бы

За тысячи монет».

«И за отцом приду я,
Когда настанет срок,
И всю прислугу вашу
Не минет мрачный рок;
А нынче лишь тебя возьму,
Девушка молодая,
Я к люду своему».

«Помилуй! Лет мне мало, —
Девушка слезы льет, —
Жить буду, как пристало,
Всю жизнь я, каждый год.
Не забирай меня сейчас,
Повремени немного.
Ах, дай хотя бы час!»

Смерть ей в ответ: «Напрасно
О жизни просишь ты,
Меняю ежечасно
Я всех людей черты:
И стар и млад, коль я хочу,
Идут за мною следом,
Когда я в дверь стучу».

Была она прекрасна,
Но он ее обнял,
И все мольбы напрасны —

Траву он ей примял,
На землю бросив, словно в прах,
И вот лежит девица,
Объемлет ее страх.

Краса ее увяла,
И взор ее угас,
Средь сада повстречала
Девица смертный час.
И не хотелось больше ей
Ни одного цветочка
Рукою рвать своей.

**Ночные музыканты
Карнавальная месса
Абрахама а Санта-Клара⁶
(Вена, 1751)**

Мы – бедные шуты
И, не смыкая очи,
Средь улиц городских
Поем во мраке ночи.

⁶ Абрахам а Санта-Клара (Иоганн Ульрих Мегерле, 1644–1709), проповедник и сатирик. С 1677 г. придворный проповедник в Вене.

Покой давно забыли,
Любовь пленила нас —
С орудьями Амура
Здесь мерзнем битый час.

Как только день отдаст
Нам радость на поруки,
Начнем мы извлекать
Чарующие звуки.

Найдем получше дом
И, вставши у окон,
Разложим ноты мы,
Затеем наш трезвон.

Такт отобьет один,
Аккорд возьмет другой,
В литавры жахнет третий,
Подключится гобой.

Теорба заиграет,
За нею галишан⁷,
И каждый, как сумеет,
Осилит нотный стан.

Под окнами торчим
Мы до того мгновенья,
Пока не подойдет

⁷ Теорба и галишан – разновидности лютни.

К окошку привиденье.

Тогда затайнем вмиг
У самого окна
Мы арию любви,
Что страстных чувств полна.

А если страж ночной
Увидит нас – беда,
И ноги вместо рук
Забегают тогда.

Так мы и прозябаем,
Над нами же в ответ
Ночь напролет хохочет
В домах весь белый свет.

Ах, милая Филлида,
Заслышав наше пенье,
Впусти погреться нас,
Имей к нам снисхожденье.

Строптивая невеста Из Эльверта⁸

⁸ Ансельм Эльверт (1761–1825), немецкий фольклорист.

Ячмень мне не по нраву,
И я люблю поспать,
Меня же шлют в монашки,
Мне жизни не видать.
Ах, я зову несчастья
На голову всем тем,
Кто деву заточает
Неведомо зачем.

Уже готова ряса,
Она мне велика,
И локоны остригли —
Берет меня тоска.
Ах, я зову несчастья
На голову всем тем,
Кто деву заточает
Неведомо зачем.

Иные спать ложатся,
А мне пора вставать,
Чтоб колокольным звоном
Округу пробуждать.
Ах, я зову несчастья
На голову всем тем,
Кто деву заточает
Неведомо зачем.

Боязнь монастыря

Лимпургская⁹ хроника. «В то же время (1359) пели и насвистывали эту песню»

Господь, пошли тому невзгод,
Кто шлет меня в монашки,
Дал черную мне мантию
И белую рубашку.
Коль стану я монашкой,
То против своей воли,
Я молодого парня
Утешу в тяжелой доле.
А если бросит он,
Сгнию в земной юдоли.

Рыцарь-пустомеля Устный фольклор

Три злостных лиходея
Жгли жизни не жалея,
Раз вышел спор у них:

⁹ Лимпург – замок в немецком городе Швебиш-Халль (земля Баден-Вюртемберг).

С кем из троих не прочь
Красотка провести
Сегодняшнюю ночь.

И тот, что был моложе —
Вот весельчак был тоже! —
Сказал, что в эту ночь
Красавица одна,
Таков уж уговор,
Принять его должна.

А дева молодая
Шла мимо, чуть живая:
Она, из-за стены
Услышав все тайком,
Сгорая от стыда,
Скорей помчалась в дом.

Уж месяц серебрится,
Ждет рыцаря девица.
Вот он в окно стучит
И говорит, шутя:
«Наверное, ты спишь,
Прелестное дитя?»

«А если б и спала я,
Тебя не ожидая?
Не понял, видно, ты
Моих речей вчера.

Я спать теперь иду,
Ты ж мерзни до утра».

«Ты будешь спать в постели,
А я среди метели?
Здесь дождь идет и снег,
И все давно уж спят.
Где я найду ночлег?
Мне нет пути назад».

«А ты ступай в те рощи,
Где пустословить проще,
Откуда ты пришел,
Там камень есть большой —
Ты постучись к нему
Своею головой».

Черная ведьма **Листовка**

Охотник в рог свой задувал,
Ой, задувал,
И все, что выдул, то потерял.
Гоп-ля-ля-ля,
Тру-ля-ля-ля.
И все, что выдул, то потерял.

«Ужель мне голос потерять?
Ой, потерять?
Уж лучше охотником не бывать».
Гоп-ля-ля-ля
Тру-ля-ля-ля.
И все, что выдул, то потерял.

Поставил сети он во кусток.
Ой, во кусток.
И деву поймал ими черную в срок.
Гоп-ля-ля-ля
Тру-ля-ля-ля.
И все, что выдул, то потерял.

«Ах, девица черная, не убегай,
Не убегай,
Ты слышишь ведь псов моих верных лай?
Гоп-ля-ля-ля
Тру-ля-ля-ля.
И все, что выдул, то потерял.

«Меня не поймать твоим верным псам,
Верным псам,
Я резво прыгаю по кустам».
Гоп-ля-ля-ля
Тру-ля-ля-ля.
И все, что выдул, то потерял.

«Ах, сколько ни прыгай, от них не уйдешь,
Не уйдешь,
Ты нынче же смертью верной умрешь».
Гоп-ля-ля-ля
Тру-ля-ля-ля.
И все, что выдул, то потерял.

«Умру я, значит, буду мертва,
Буду мертва.
Меня упокоят цветы и трава».
Гоп-ля-ля-ля
Тру-ля-ля-ля.
И все, что выдул, то потерял.

«Средь зарослей колких и диких роз,
И диких роз.
Не буду бояться ничьих угроз».
Гоп-ля-ля-ля
Тру-ля-ля-ля.
И все, что выдул, то потерял.

Три лилии на могилке растут,
Ее растут.
Захочешь сорвать, они запоют.
Гоп-ля-ля-ля
Тру-ля-ля-ля.
И все, что выдул, то потерял.

«Не для тебя мы здесь цветом,

Мы здесь цветом.
Охотника юного мы подождем».
Гоп-ля-ля-ля
Тру-ля-ля-ля.
И все, что выдул, то потерял.

Доллингер
Из «Краткой летописи
захороненных в городской стене
свидетелей» (Регенсбург, 1723)

Из Турции боец лихой,
Под Регенсбург наш прискакал.
Шли турки к нам тогда с войной,
А он и смел был, и удал.
И сразу к кайзеру на двор:
«Кто здесь со мною вступит в спор,
Сразиться хочет кто за честь
И с дьяволом знакомство свесть?»
Но всем бойцам хотелось жить,
Скорей, чем голову сложить
В смертельной схватке с гордецом,
Турецким доблестным бойцом.
Вмешался кайзер в разговор:
«Что у меня за подлый двор!

И нет отважного бойца,
Чтоб турка стер с земли лица?
Ужель у каждого здесь есть
Дороже дар, чем наша честь?»
Тут вышел Доллингер вперед:
«Видать, судьба меня зовет
Сразиться с этим гордецом,
Турецким доблестным бойцом».
И, выбрав копыя поострей,
Они пришпорили коней,
У турка больше было сил,
С коня он Доллингера сбил.
«Господь, меня не оставляй,
Спасенья ветвь мне в руку дай
Иль забери скорее в рай».
Вот кайзер скачет в свой черед
И крест сраженному дает.
Тот приложил его к губам —
И возвратился свет очам,
И сразу стало больше сил,
И турка Доллингер убил.
«Ты, черт, его не оставляй,
Пинка ему покрепче дай
И в ад скорее низвергай».

Неравная любовь

Из «Изящного альманаха»¹⁰

Скакал раз рыцарь средь болот
И пел – прекрасно он поет:
Внимали ему чинно
И горы, и долины.

И даже дочка короля,
Певцу тому благоволя,
Вплетая в косы мягкий шелк,
Познать с ним хочет жизни толк.

Ее за косы он схватил
И за собою усадил.
И вот они на край земли
Верст двадцать ехали в пыли.

И въехали в дремучий лес,
С коня тут рыцарь сразу слез:
«Пора, мил друг, нам отдохнуть —
Конь проскакал немалый путь».

И плащ свой бросив на траву,

¹⁰ «Маленький изящный альманах» («Ein kleiner feiner Almanach») – сборник народных песен, изданный в 1777–1778 гг.

Он указал ей на главу:
«Скорей мне космы расчеши,
Чтоб не заели меня вши».

Пошла принцесса тут рыдать,
И горя было не унять,
А рыцарь ей задал вопрос:
«Почто ты льешь так много слез?»

«Ах, мне терпеть невмочь,
Ведь я царева дочь.
И если б не гордиться,
Была б сейчас царица».

Едва закончилась та речь,
Как голова слетела с плеч:
«Ах, помолчать бы ты могла,
И голова была б цела».

Ее за косу он схватил,
За бузиною уложил:
«Покойся здесь теперь, мил друг,
Мне не снести сердечных мук».

Он под уздцы коня ведет
Напиться у прохладных вод:
«Стой тут, мой конь, и воду пей,
Я умираю от страстей».

Радушие зимы

Устный фольклор

Зима – суровый, лютый гость,
Взгляни хотя б на крышу.
Сплела мне милая венок
Искристых крох,
Носил его я долго
На бороды иголках.

А лето – добрый милый гость,
И каплет с крыш вода.
Сплела мне милая венок
Искристых крох,
Потом он испарился
И с облаками слился.

Льстецу не верьте ни за что,
Суровость правды лучше.
Хоть лето и плетет венок,
Цветок в цветок,
День летний длится век,
И краток ночи бег.

На Пасху, когда пост прошел,
Дни стали вдруг длиннее.

Дала она мне вместо слов
Объятья белых рукавов,
Чтобы во всеоружье
Я ждал до зимней стужи.

Что мне до пенья соловьев
И злых людских наветов.
Я нежусь в белых рукавах,
Забыв про страх:
Когда она захочет,
Рукавчик оторочит.

Великая Дева
Песня солеваров города Галле
Вероятно, с прежних мест обитания
У книготорговца Генделя
имеется несколько экземпляров

Бела, чиста, прекрасна,
С небес одарена,
Им служит ежечасно,
Талантами полна.
Средь жен смиренно ходит
На поле в хороводе.
Будь счастлива вовек!

Невинностью дышало
Все тело Девы той,
В нем жизнь брала начало
По воле неземной.
Был Сын исполнен силы,
Во всем искусен был Он,
Ведь создал в мире все.

Похож на человека
Лежал Он у груди,
Хоть жил уже от века
И знал все впереди.
Он рыцарем был смелым
И пострадал за дело,
Всю чашу бед испил.

Плоть Сына умертвило
Лишь острое копьё,
Но смерть сам ад разбила,
И дрогнула земля.
Все узники воспряли,
Мечты их явью стали
В тот незабвенный час.

Попрал Он царство смерти,
Был светел Князя лик.
Наверх, к небесной тверди,
Взошел он напрямик.

Три добрых свойства в Нем
Светились ясным днем:
Ум, смелость и любовь.

О, звезд венец хрустальный,
Чистейший, как кристалл,
Что Деве он печальной
Для утешенья дал?
Святое песнопенье,
Всех ангелов хваленье.
Ах, как светла луна!

Любовь и пряжа Из «Брагура»¹¹

Девушка к озеру пошла,
Цветочков разных нарвала
Руками, точно снег,
Под лета краткий бег.

Туда же рыцарь прискакал,
Ее по-швабски привечал,
Сказал он ей одной:
«Моею будь женой».

¹¹ Журнал конца XVIII в., посвященный германским и скандинавским литературам.

«Ах, рыцарь, знатен так ваш род,
Боюсь, отец мой в гнев впадет,
Прибьет меня на месте,
Лишусь я всякой чести».

Девушка

Ах, отче, отче милый мой,
Дай погулять мне под луной
Там, где овечек стадо
Пастись извечно радо.

Отец

Овечьё стадо не спасет
Мою овечку от невзгод.
Уйти не думай даже,
Ступай скорее к пряже.

Девушка

Прясть не получится никак,
Для сердца пряжа – злейший враг,
Жду рыцаря молодого,
Другого нет такого.

Кто песню эту перепел,
Сердечных много мук терпел,
Но от любви не скрыться,
Он смог-таки жениться.

Гусарская вера

Листовка времен последней войны с Францией

Забавы в мире лучше нет,
Нет дела удалей
Гусар, идущих след во след
В атаку средь полей.

Гремит грохочет битвы гром,
По нам идет пальба,
Порой с коня мы упадем,
Как падает звезда.

А значит: саблю наголо
Бери скорей, гусар,
И вражьем сонмищам назло
Свой наноси удар.

Ты по-французски не парле,
Но знаешь в жизни толк,
И ты удержишься в седле,
Срубив французов полк.

А коль придется навсегда
Почить здесь и тебе,

То не печалься и тогда:
Покорен будь судьбе.

Пусть тело все в земле сгниет,
Останется мундир.
Ну, а душа – она уйдет
В гораздо лучший мир.

Гамельнский крысолов

Устный фольклор

Кто этот щеголь на картине?
Что скрыто в шутовской личине?
Играет лихо и хитро —
Держите ухо с ним остро!

Война мышей и крыс с котами
Средь улиц Гамельна ночами
И днями шла. Совет мужей
Решал, как быть с напастью сей.

Избавил их от горших бед
Флейтист, что пестро был одет.
Крыс и мышей он утопил —
Их флейтой в воду заманил.

Совет же за спасенье града
Дать не спешил ему награды:
Мол, это дело двух минут,
Нечистое есть что-то тут.

Когда ж он строго mzды спросил,
Совет расправой пригрозил.
Тогда пришлось ему уйти
В деревню, дабы жизнь спасти.

А город после избавленья
Пел праздничные песнопенья,
Людская ширилась хвала,
Звонили все колокола.

Играли дети в переулках,
Флейтист прошел средь улиц гулких,
И вот – вослед за ним спешат
Не меньше сотни чудных чад.

Пастух их видел: дети в воду
Пошли, совсем не зная броду.
Никто не видел их с тех пор,
А слышен был лишь скорбный хор.

На ряби вод порой играют
Огни, и дети оживают,
Но он влечет их вновь на дно,
Покуда платы не дано.

Хотите дать ему награду?
Детей своих готовьте к аду!
Ведь дьявол сам гостил у нас,
Украл детей и скрылся враз.

Принаряжайся, Грета! **Из «Свежих песенок»**

«Принаряжайся, Грета,
Поехали со мной,
Созрело уже семя,
Вино течет рекой».

«Ах, Ганс, мой милый Гансик,
Поеду я с тобой,
Чтоб среди полей и дома
Твоею быть женой».

Он взял ее под ручки,
Под белы ручки взял
И вместе с нею путь свой
К трактиру продолжал.

«Хозяйка, эй, хозяйка,
Дай лучшего вина —

Наряды этой Греты
Окупят все сполна».

Тут Грета разрыдалась,
Разгневалась потом,
Хрустальнейшие слезы
Вдруг хлынули ручьем.

«Ах, Ганс, мой милый Гансик,
Не так ты говорил,
Когда с двора отцова
Меня ты уводил».

Он взял ее под ручки,
Под белы ручки взял
И вместе с нею пусть свой
Он к саду продолжал.

«Ах, Греточка ты Грета,
С чего же так рыдать?
Что честь твоя задета,
Что воли не видать?»

«Нет, воля мне постыла,
Честь не вернешь назад,
А вот одежды жалко —
Красивый был наряд».

Песня о кольце Из Эльверта

Раз были три солдата —
Все молодая кровь, —
Они за преступленье
Попали в заточенье,
Их граф обрек на смерть.

И девушка с чужбины
Красивая была.
Она вдруг прибежала,
Миль одолев немало,
И к графу подошла.

– Бог в помощь, знатный господин,
Хорошего вам дня!
Прошу вас о мил друге,
О будущем супруге,
Отдайте его мне!

– Ах, милая, нельзя мне так,
Нельзя так поступать.
Его за злодеянье
Ждет Божье воздаянье,
И будет он казнен.

Красавица от графа прочь
Умчалась вся в слезах,
И далеко бежала,
Миль одолев немало,
До каменной тюрьмы.

– Бог в помощь, узники мои,
Хорошего вам дня!
Хоть я о вас молила,
Спасти я вас не в силах,
Ничем нельзя помочь.

Что принесла она с собой?
Рубашку белую:
– Возьми ее, любимый мой,
И, обретая в ней покой,
Век помни обо мне.

Что снял он с пальца своего?
Из золота кольцо:
– Возьми его, родная,
Для сердца дорогая,
Обручены мы им.

– Что делать с этим мне кольцом,
Раз не могу носить?
– Та дивная вещица
В шкатулке пусть хранится

До Судного денька.

– Шкатулку ту я сберегу,
Кольцо нося с собой.
Надеть хоть не смогу я,
Но буду жить, тоскуя,
Мирясь со злой судьбой.

Рыцарь и девушка

Листовка

Игрался рыцарь с девушкой
До самого утра,

Потом же, забеременев,
Расплакалась она,

– Не плачьте, карие глаза,
Я щедрю дам плату.

Тебе я конюха отдам
И талеров пять сотен.

– Не нужен он мне и они
Одни без господина.

Раз нам расстаться надлежит,
Я к матери отправлюсь.

Ушла с улыбкой от нее,
Вернусь теперь в слезах.

И как-то в Аугсбурге,
В проулке гулком, тесном,

Она вновь повстречала мать
С водой холодной, пресной.

– Привет, о, доченька ты моя,
Как поживала ты,

Что спереди юбка задралась,
А сзади видны хвосты?

– Как мне жилось и с кем жилось,
Тебе сейчас скажу я.

Со мной игрался господин,
Ребенка нарожу я.

– Игрался господин с тобой?
Молчать об этом надо.

Навек младенца усыпит
Текучих вод прохлады.

– О нет же, милая моя!
Ребенка мы оставим.

Когда я дитяtko рожу,
Отцу его представим.

Родная, милая моя!
Постель мне расстели,

Я боль и муку в ней приму,
А то и злую смерть.

Увидел в полночь сон дурной
Тот знатный господин:

Как будто милой больше нет,
Остался он один.

– Вставай, мой конюх дорогой,
Седлай-ка нам коней,

Мы тотчас же проверим сон,
Поскачем тотчас к ней.

Когда же по полю скакали,
Услышали трезвон.

«Великий Боже, расскажи,

К чему раздался он!»

Добравшись до ворот высоких,
Что Аугсбург хранили,

Четверку встретили мужчин,
Те тело выносили.

«О милые, на землю вы
Носилки опустите.

Ах, верно, карие глаза,
Вы под покровом спите,

Вы сердцу были всех милей,
Но верить в то не смели,

Когда б Господь вас сохранил,
То взял бы вас к себе я.

Ты смертью злою умерла,
Так лучше б я не жил».

Он вынул гладкий острый меч
И в грудь себе вонзил.

«О нет, о нет, мой господин,
К чему еще страданье?

Ведь многим парам суждено
В сей жизни расставанье».

«Могилу вырой глубже нам
У пары скал высокой,

Чтоб в жизни той проснуться мне
С любимой кареокой».

Она на кладбище лежит,
А он – самоубийца.

Но четверть года лишь прошла,
Над ним расцвел вдруг лилий цвет,

И рассказали лепестки:
На небе им разлуки нет.

Генришка Конрад, писака в кузовке Из «Брагура»

Пошел раз писарь погулять,
На рынок вышел щеголять.
Генришка Конрад, писака в кузовке.

Сказал он: «Милая, привет!

Поспишь со мной сегодня, нет?»
Генришка Конрад, писака в кузовке.

Она: «Приди сюда опять,
Как только муж мой ляжет спать».
Генришка Конрад, писака в кузовке.

И вот – писака тут как тут
За пять до полночи минут.
Генришка Конрад, писака в кузовке.

Она: «С тобой не стану спать,
Ты в кузовок пока мой сядь».
Генришка Конрад, писака в кузовке.

Писаке кузов тот не очень
Идет для проведенья ночи.
Генришка Конрад, писака в кузовке.

Ему охота в небо взвиться,
Но ни коня нет, ни возницы.
Генришка Конрад, писака в кузовке.

Она на крышу его тянет,
А он как сверху наземь грянет.
Генришка Конрад, писака в кузовке.

Пребольно на бедро упал,
Сказал: «Чтоб черт тебя побрал!»

Генришка Конрад, писака в кузовке.

«Ах так, проваливай злодей!

Я грубых не люблю людей».

Генришка Конрад, писака в кузовке.

Дал писарь гульден золотой,

Чтоб я не пел вам песни той.

Генришка Конрад, писака в кузовке.

Песня жнецов

Католическое песнопение

Есть в этом мире страшный жнец,

Что всем пророчит злой конец,

Свой нож он точит

И скоро захочет

Скосить нас под корень,

Тот день будет черен.

Прячься, чудесный цветок!

Что ныне юных сил полно,

Косою завтра сметено:

Нарциссов цветенье,

Лугов украшенья,

Чалмы гиацинта

И трав лабиринты.
Прячься, чудесный цветок!

Цветов бессчетный миллион
Серпом на гибель осужден:
И лилия с розой
Дрожат под угрозой,
И рябчиков главы
Падут величаво.
Прячься, чудесный цветок!

Вероники небесный свет,
Тюльпанов нежных разноцвет,
И красные маки,
И желтые злаки —
Все в землю уйдут,
Надолго уснут.
Прячься, чудесный цветок!

Лаванды синь, и розмарин,
И роза, гордый властелин,
И лилии чистые,
И астры лучистые,
Фиалки, пионы —
Одни всем законы.
Прячься, чудесный цветок!

Но, смерть, тебя я не страшусь,
Пусть под косою окажусь,

Ведь тех, кого скосят,
На небо уносят,
В заветные кущи,
Где жив Вездесущий.
Радуйся, чудный цветок!

Избыток учености

Мартин Опиц

Страх порой меня объемлет,
Что с тобою я, Платон,
Слишком в знания погружен,
Ум словам уже не внемлет,
И спешу я к водной глади,
Где средь зелени лугов,
Восхитительных цветов
Рыбаки стоят в прохладе.

Для чего ученье служит,
Что приносит, кроме горя?
Жизнь течет, поток ускоря,
А ученый и не тужит,
Лишь когда оставят силы,
И придет последний срок,
Он получит свой урок
Незадолго до могилы.

Ты, парнишка, разузнай-ка,
Где здесь лучшее вино,
Пусть пьянит тебя оно.
Упорхнет печалей стайка,
Что людей всечасно гложет
До прискорбного конца,
Если сладкий вкус винца
Их на время обезножит.

Не забудь купить и дыню,
Сахар сладкий покупай,
Только в лавке не зевай,
Облапошат ведь разиню.
Пусть богач, гремя деньгами,
Каждый геллер бережет.
Я же не веду им счет,
Пировать люблю с друзьями.

Созову друзей любезных
Я на чарочку вина,
Чтоб до сладостного сна
Песен спеть душе полезных.
Пусть наследников обижу,
Но зато я буду пьян,
И, весельем обуян,
Смерть ужасную увижу.

Битва при Муртене

Витт Вебер. Из «Описания Бургундских войн» Дибольда Шиллинга

Сказал однажды брату брат:
У Муртена бургунд!
Всяк за отчизну биться рад,
Чтоб битым был бургунд.

За лесом рыцарь и батрак,
Здесь призван стар и млад,
Ренальд Лотрингский молвит так:
«Нас ставьте в первый ряд».

Военачальников совет
Решает много дел.
А может, этот их совет
Немного оробел?

Уж солнце в небо поднялось,
Светло, как ясным днем,
Сраженье же не началось —
Все мы чего-то ждем!

Пусть рев бомбард и грозен был:
Карл звучно грохотал.

Но наш солдат о нем забыл —
Кто выжил, и кто пал.

Сверкали длинные мечи
С опасным острием,
И крови жаждали мечи,
Впиваясь острием.

Недолго бились чужаки,
Все наземь полегли.
Их стрелы были так легки,
Но ждал их хлад земли.

Кто в рощу, кто в кусты бежал
От солнечных лучей,
А кто и в озеро нырял,
Уплыть хотел скорей.

Как утки, плавали они
В прибрежных камышах,
А мы, охотникам сродни,
Их смяли в пух и прах.

На лодки сели мы гурьбой
И ну их добивать.
Под крики кончился тот бой,
Воды вскипела гладь.

Тех, кто на дерево полез,

Сбивали, как ворон,
Враг улетел бы дальше в лес,
Да крыльев был лишен.

Царила смерть везде вокруг,
Кровь там и тут лилась.
И лес, и озеро, и луг
Покрыла кровь, как грязь.

Уж солнце близилось к горам,
Кончался славный день.
Чужак хвалу слал небесам,
В ночную прячась тень.

Был пышный лагерь Карла взят
Швейцарскою рукой.
И сразу стал наш брат богат,
Покончил с нищетой.

Хоть Карл охоч до шахмат был,
Играем мы теперь,
С фигур его мы сбили пыль,
Он стонет от потерь.

Ладьи ему не помогли,
Ходили невпопад,
И кони что-то подвели —
Грозит им шах и мат.

С мечом в руках сражался сам
Создатель сих стихов,
До ночи бился тут и там,
Чтоб ночь отдать для слов.

И меч, и струны он вздымал,
И воин, и скрипач,
И слух, и глаз он услаждал —
Танцор, прелат, ловкач.

Родив меня, благая мать
Ко мне склонила взор,
Сказала: «Буду Виттом звать,
И стал я Витт с тех пор».

Испытание любви

Листовка

Стояла липа средь долин,
Внизу – пошире, кверху – клин.
Под ней влюбленные сидели
И расставаться не хотели.

«Ах, милая, грядет разлука,
Семь лет томить нас будет мука».
«И пусть, прожду семь долгих лет,

Ведь для меня другого нет».

Семь лет того минуло срока,
Ей мнится, милый недалёко,
Она спешит в тот самый сад
И ищет суженого взгляд.

Под липу села и сидит,
Вдруг слышит: всадник к ней спешит:
«Привет, красавица, скажи,
Что позабыла здесь в тиши?»

Иль жить с родителями туго?
Иль ждешь ты тайного здесь друга?»
«С родителями жить не туго,
И тайного не жду я друга.

Прошло семь лет и три недели,
Как милый ускакал отселе».
«А я вот видел, милый твой
Живет с женою молодой.

Чего б ему ты пожелала,
Когда б о свадьбе их узнала?»
«Счастливых лет с любимой новой,
Судьбы обоим несуровой».

Что с пальца снял он вдруг такое?
Кольцо как будто золотое

Он бросил деве на подол.
Тут дождь из глаз ее пошел.

Он из кармана достает
Платок и деве подает:
«Скорее вытри слез поток,
Прошел разлуки долгой срок».

То было только испытанье,
Когда б услышал я роптанье,
Коль прокляла бы ты меня,
Я б тотчас развернул коня».

Сокол Устный фольклор

Ах, будь я вольный сокол,
Поднялся бы в полет,
А опустился б там, где
Мой граф с семьей живет.

Крылом махну разочек
И двери растворю,
Прочь отлетит замочек,
Та выйдет, что люблю.

«Ключи гремят, ты слышишь?
Знать, мать недалеко.
Скорее спрыгнем с крыши
И воспарим легко».

Ей ленты расплету я
Средь золотых кудрей,
С ней в высоте ликуя,
Играя вместе с ней.

И там, под облаками,
Мы кров бы обрели,
Осталась бы под нами
Твердь матушки-земли.

Я крылья бы расправил,
Не стал бы граф стрелять,
И дочку ради правил
Суровых убивать.

Но немы мои крылья,
И тело не взлетит.
Пою я от бессилья,
Ее же гложет стыд.

У Господа время летит

Листовка

В Ораде-городе была
У коменданта дочь мила,
Терезией звалась она,
Послушна, набожна, честна.

И эта дева с лет молодых
Всегда жила в мирах иных,
Молитвой, песнею простой
Стремилась к Троице святой.

Услышит имя лишь Христа,
Как в ней проснется доброта.
Христу лишь хочет угождать,
Дабы Его невестой стать.

Посватался к ней господин,
Отец готов уж справить чин,
И замуж мать велит идти:
«Такого ты не пропусти».

Но дочь в ответ: «Ах, мама, нет!
Готов Жених мне с давних лет,
И равных в мире нет Ему.

Нет, не пойду я ни к кому!»

А мать твердит: «Дитя, уймись
И с волей нашей примиришь!
Недолго жить уж нам с отцом,
Хоть дал нам Бог богатый дом».

И снова дочь льет сотни слез:
«Ах, мама, я же ведь всерьез!
Люблю Другого целиком
И лишь к Нему пойду я в дом».

Отец: «Фантазии оставь,
И мнение свое исправь.
Куда ты денешься, когда
Придет уйти нам череда?»

Тот господин пришел опять,
И свадьбу решено сыграть.
Давно уже готово все,
Но вновь невеста за свое.

Под утро вышла в сад она,
Великой горести полна,
И на коленях от души
Взмолилась в утренней тиши.

Потом пред Ним простерлась ниц
Смиреннейшей из учениц.

И сжалился Христос над ней:
«Внемли же речи ты моей:

Немного времени пройдет,
И радость душу увлечет,
Увидишь ангелов ты лик,
Блаженства ты узнаешь миг».

Он деве нежный шлет привет,
И ей не нужен белый свет.
Смутившись, взгляд она тупит,
Пред нею Юноша стоит.

Он деве, краской залитой,
Дарует перстень золотой:
«Возьми, красавица, скорей,
Залог возьми любви Моей».

Тут, розу дивную сорвав,
И женихом Христа назвав,
Сказала дева: «Так и я
Навеки буду лишь твоя».

И вот влюбленные пошли
Красоты осмотреть земли.
Христос на деву бросил взгляд:
«Теперь поднимемся в мой сад».

Он деву под руку берет

И прочь из той страны ведет
В Отца Его чудесный сад,
Цветами полный вертоград.

Плоды там сладкие растут
Что деве силы придают.
Нам смертным явно невдомек,
Сколь тех плодов чудесен сок.

Играет музыка, поют,
Забыла дева ход минут.
Ручей серебряный бежит,
Прозрачной чистотой блестит.

Тут деве Юноша сказал:
«Я весь свой сад вам показал,
Пора найти проводника,
Чтоб вам спуститься свысока».

Печальна дева и светла,
К родному городу сошла.
Тут стража встала на ходу.
Она же им: «К отцу иду».

«Кто твой отец?» – спросил один.
«Ваш комендант и господин».
Другой промолвил ей в ответ:
«Детей у коменданта нет».

Давал наряд ее понять,
Что по рождению она – знать,
И страж ее препроводил
В собранье городских светил.

А дева все твердит свое:
Мол, комендант – отец ее,
И только два часа назад
Она оставила сей град.

Ей поразились господа:
«Попала как она сюда?»
«Как-как зовут ее отца?» —
Они твердили без конца.

Тут отыскивали древний том,
И говорилось в томе том,
Что раз пропал невесты след:
Вчера была, сегодня нет.

Узнали, пролистав вперед:
Тому уж сто двадцатый год.
А деве, что «вчера была»,
Ей лет десятка полтора.

Тут понял тот, кто поумней,
Что ей Господь добавил дней.
Накрыли праздничный ей стол,
Но цвет с лица ее сошел.

«Не нужно плотских мне отрад,
Мне бы отца святого взгляд,
Святое таинство б свершить,
Пока не перестала жить».

А, исповедавшись, она
Скончалась – помнит вся страна:
Без лишних болей или мук
Прервался сердца девы стук.

Кустик руты Устный фольклор

На самой высоте один
Есть кустик руты средь вершин,
И, верно, одиноко
Стоять ей так высоко.

Чудесный сон приснился мне
На той блаженной вышине,
Его я не забуду,
Душой поверив чуду.

Склонилась девушка к ручью,
Сорочку белую свою

Подставив солнца зною
Над быстрою водою.

Будь солнцем я иль будь луной,
Любовью полон я земной.
Как голубь сизокрылый,
Лечу к голубке милой.

Монахиня Устный фольклор

Вот встану я на гору,
Взгляну, как Рейн течет —
На шляпке по простору
Три рыцаря плывет.

Средь них один моложе всех,
То графский был сынок,
Хотел на мне жениться,
Да был он слишком юн.

Он с пальца снял и отдал мне
Свой перстень золотой:
«Возьми, красавица, себе,
Носи всегда с собой».

«Зачем его с собой носить,
Коль не могу надеть?»
«Скажи, нашла его в траве,
И пусть поверят все».

«Зачем же врать я буду
И честь свою чернить,
Скажу я лучше людям,
Что с графом буду жить».

«Ах, будь ты побогаче,
Будь род твой познатней,
Тогда б мы были ровней,
И стала б ты моей».

«Хоть у меня богатства нет,
Но честь я берегу,
Дороже будет белый свет,
Коль с ровней жить смогу».

«А если ровня не придет,
Что станешь делать ты?»
«Пойду в монахини тогда,
Забуду про мечты».

Прошло три месяца, и вот,
На графа грусть нашла.
Приснилось, будто милая
Уж в монастырь ушла.

«Мой конюх милый, поспешай,
Скорей седлай коней!
Поскачем мы в далекий край,
Чтоб свидеться мне с ней».

Приехав в дальний монастырь,
Они стучатся в дверь:
«Ах, милая, ты выйди к нам,
Моей любви поверь».

«Зачем я буду выходить?
Я постриг приняла!
Отстригла локоны свои,
Хоть век тебя ждала».

В унынье тяжкое впал граф,
На камушек присел
И долго-долго слезы лил,
Взбодриться не хотел.

Она могилу вырыла
Своими же руками,
И тело залила его
Своими же слезами.

И, верно, так все богачи
Свой разевают рот!
Хотят жениться поскорей,

Да средств недостает.

Ревельге Устный фольклор

Меж двух и трех, средь темной ночи,
Мы маршируем что есть мочи.
То вверх идем, то вниз,
Тра-ля-ли, тру-ля-ля, тра-ля-ля,
Зазноба смотрит вниз.

«Ах, братец, я, кажись, подстрелен.
Был выстрел у врага прицелен,
Снеси меня домой,
Тра-ля-ли, тру-ля-ля, тра-ля-ля,
Спаситель будешь мой».

«Ах, братец, я нести не в силе,
Враги нас сильно покосили,
Поможет тебе Бог,
Тра-ля-ли, тру-ля-ля, тра-ля-ля,
У нас же марш-бросок».

«Ах, братец! вы идете мимо,
Все живы, целы, невредимы,
А я пал от огня,

Тра-ля-ли, тру-ля-ля, тра-ля-ля,
Вы топчете меня.

Пусть барабан мой барабанит,
А то меня совсем не станет.
Полег на брата брат,
Тра-ля-ли, тру-ля-ля, тра-ля-ля,
Вот трупы их лежат».

Его заслышав барабаны,
Забыли братья все про раны,
И бьют они врага,
Тра-ля-ли, тру-ля-ля, тра-ля-ля,
Бесстрашно бьют врага.

Как отгремели барабаны,
Назад пошли лечить мы раны,
И в переулке днем,
Тра-ля-ли, тру-ля-ля, тра-ля-ля,
Зазнобы видим дом.

С утра лежат рядочком кости,
Что скоро будут на погосте,
И барабан стоит,
Тра-ля-ли, тру-ля-ля, тра-ля-ля,
Зазноба вниз глядит.

Карнавал

Из «Изящного альманаха»

Нам дарит радость карнавал,
О коей каждый сотню лет мечтал.
Пошел и я разочек прогуляться
Там, где народ,
Встав в хоровод,
Рекой течет,
Стремится забавляться.

Привет любезной деве шлю,
Она же, вставши на ногу мою,
Сказала мне: «Милочек, значит, так:
Не будь дурак,
Я сдам свой стяг,
Не надо благ,
Ведь деньги – пустяк.

За домом моего отца
Нет ни ступенек, ни крыльца,
Ступай туда, не показав лица.
Там в стороне,
Есть дверь в стене,
Ты в тишине
Скорей входи ко мне».

А ночью буря поднялась,
Земля от грома и грозы тряслась,
Я шел вперед, забыв про дождь и грязь.
И, как сурок,
Неслышно лег
Я к ней под бок,
Чтоб ночку уделить любви.

Воровство Устный фольклор

Мария вышла как-то в сад,
А там три юноши стоят.

Среди тех троих был Даниил,
И Рафаил, и Михаил.

Смех Даниила разобрал.
Мария: «Что ты хохотал?»

«Я ночью стражу зорко нес,
Решили вора два всерьез

Украсть как будто не шутя
Твое священное дитя».

Она в ответ: «Свой смех умерь,
Коль вор войти захочет в дверь,

Свяжи его, чтоб он не мог
Ступить ногою на порог.

Вам, Рафаил и Михаил,
На то вполне достанет сил».

Тут Даниил святой сказал:
«Смотри, обоих я поймал,

Рекою с них струится пот.
А шагу сделать не дает

Им цепь, что Господа рукой
Сковала их с Его землей.

Застыли. Им теперь стоять
Да звезды на небе считать,

Песчинки на берегах морей
Да не родившихся детей».

Мария цепи с них сняла.
В ответе мы за все дела.

Наводнение

Устный фольклор

Есть в Кобленце мосточки,
И снег на них лежал,
Потом он весь растаял,
Водой повсюду стал.

Залил он садик милой,
Никто там не живет,
Лишь дом стоит унылый,
Но в нем никто не ждет.

В воде стоят деревья
И кронами шумят,
Средь тихих вод кочевья
Ловлю я милой взгляд.

С небес пришлет Создатель
Мне отраженный лик,
Увижу я, мечтатель,
Любимую на миг.

Мосточки позабыты,
Там много дев иных,
Ко мне они открыты,

Но мне уж не до них.

Барабанщик Листовка

Я – барабанщик шальной,
Меня ведут из тюрьмы,
Ведут из тюрьмы.
Был бы я барабаном,
Не попался б вражьи́м вранам,
Не попался б вранам.

Ах, вот уже эшафот,
И страх меня берет,
И страх берет.
Уже не смотрю я туда,
Где умру раз и навсегда,
Раз и навсегда.

Если мимо пройдут солдаты,
Пусты мои палаты,
Мои палаты.
А коль спросят, кто был я таков,
Барабан лейб-компании,
Да, лейб-компании.

До свиданья, камни, вам,
Пригоркам и горам,
Большим горам,
До свиданья, офицер,
И капрал, и кавалер,
И кавалер.

До свиданья, мушкетер,
И капрал, и гренадер,
И гренадер.
Кричу я громко вам,
Я в отпуск, к небесам,
Я – к небесам.

Давид
Листовка из
айнзидельнского монастыря

Средь братьев был я самым младшим,
Отцовский самый младший сын,
Я овцам помогал плутавшим,
На них пастух я был один.
Овец отцовских долго пас
Я на лугах его не раз.

И научился с чистой песней

Я руку к арфе прилагать,
И Богу стал я тем любезней,
Но как мне книгу передать?
Кто передаст Ему ту весть,
Что в ней псалмов немало есть?

Ты сам меня услышал, Боже,
Меня услышал Ты, Отец,
Учил меня держать Ты строже
Твоих блуждающих овец.
Меня Ты многому учил
И царским саном наградил.

И пусть я младший среди братьев,
Пусть я родился после них,
Тебе я больше был приятен —
Давид, твой верный ученик.
Сперва я пас Твоих овец,
А после Ты мне дал венец.

Передо мной, не перед братом,
В броне вдруг вырос Голиаф,
Но камнем я, с земли поднятым,
Унял крутой и дерзкий нрав.
Язычник смерти ждал моей,
Но божества его слабей.

Я в руки взял его же меч
И выгнал духа из него,

Отнявши голову от плеч
И приструнивши род его.
Так верная моя рука
Прогнала вражьи войска.

Срочно нужно Устный фольклор

Мне срочно нужен кто-то милый,
Быстро беги, зверушка,
Пусть из земли восстанет стылой,
Быстро беги, зверушка.

Сурок не сможет мне помочь,
Он спит весь день, он спит всю ночь,
Лицо его сурово.

Мне срочно нужен друг сердечный,
Вверх подымись, мой сокол,
Сойдет он с выси бесконечной,
Вверх подымись, мой сокол.

Не сможет голубь мне помочь,
Мне ворковать уже невмочь,
Пусть с жизнью он простится.

Мне срочно нужен друг любезный,
В путь поспешим, собачка,
Пусть он стоит один над бездной,
В путь поспешим, собачка.

Олень не сможет мне помочь,
Рог у него, что нож – точь-в-точь.
Меня убить он хочет.

Мне срочно нужен друг желанный,
Песню пропой, рожочек,
Я жажду ласки долгожданной,
Песню пропой, рожочек.

Я вижу милых три зверька,
На них охота нелегка,
Самой ловить придется.

«Мне срочно нужен конь ретивый,
Мне, охотник, коня бы,
Сквозь лес поскачет конь сметливый,
Мне, охотник, коня бы».

Хочешь, так бери коня,
Его не будет у меня,
Прощай, прощай, мой коник.

«Мне срочно нужен сокол смелый,
Сокол где твой, охотник?»

Чтоб я сама на нем взлетела,
Сокол где твой, охотник?»

Бери, бери, мое перо,
Я с рыбой выронил ведро,
Прощай, прощай, мой сокол.

«Мне срочно нужно твоё лобзанье,
Губ, охотник, не прячут!»
Исполню сейчас же твоё желанье.
Губ, милашка, не прячут.

А третью я не назову,
Не стану распускать молву,
Краснеть потом не буду.

Прислуга

Устный фольклор, собранный среди хайльброннских ущелий доблестными усилиями господина А. Б. Гримма, гейдельбергского студента, которому мы обязаны и некоторыми другими песнями

На Рейне жил да был маркграф,
Трёх дочерей он воспитал,

Двух выдал замуж, а потом
Навек забылся крепким сном.
И младшая пошла к другим:
«Нужна ль прислуга вам двоим?»

«Ах, девица, да ты нежна,
Ты, знать, с мужчинами дружна».
«Ах, нет, ни с кем я не дружу,
И честно я вам послужу».
За завтрак, ужин и обед
Она работала семь лет.

Семь лет прошло, и вот она
Однажды сделалась больна.
«Скажи, больная, не таи,
Родители-то кто твои?»
«Отец маркграфом рейнским был,
Меня последней народил».

«О нет! о нет! не верю я!
Ужели ты сестра моя?»
«Не хочешь верить мне пока?
Взгляни на вензель сундука.
Я с ним пришла семь лет назад».
Померк сестрицы старшей взгляд,

Бегут уж слезы по щекам.
«Скорей вина несите нам!
Ах, милая моя сестра!»

«Вина не надо, мне пора,
Мне нужен только сундучок,
Чтоб в землю поместиться мог».

В счастья час ты вспомни обо мне

Устный фольклор

Он

Стоит мне пуститься в путь-дорогу,
На меня всюду народ глядит,
Слез унять не в силах я, ей-богу,
Только ими сердце говорит.

Ах, нередко мы вдвоем сидели,
Ночи проводили до утра,
Засыпать мы вовсе не хотели,
Шла у нас любовная игра.

Спойте, музыканты, и сыграйте
Песню о невиданной любви,
Звуками то чувство передайте,
Мне ж пора в далекий путь идти.

Музыканты

Ах, теперь печаль со мной навеки
Об одном любимом человеке,

С нею мне вставать и с ней ложиться,
С нею будет сердце мое биться.

Она

О, луга, и вы, вершины гор,
До каких нас разлучили пор?
Солнце, небо, полная луна,
Я навек в печаль погружена.

Музыканты

Ах, теперь печаль со мной навеки
Об одном любимом человеке,
С нею мне вставать и с ней ложиться,
С нею будет сердце мое биться.

Она

В счастья час ты вспомни обо мне,
В горя час шли беды все ко мне,
Радость я едва ль смогу унять,
Если ты мне о себе дашь знать.

Он

О, высокие вершины гор,
Вам она еще подарит взор,
Вам стоять там до скончанья дней,
И лишь я останусь близок ей.

Тангейзер
Из «Горы Венеры» Корнманна,
перепечатано в «Блоксберге»
Преториуса (Лейпциг, 1668)

Хочу начать я песнь свою,
Тангейзера прославить,
Как он, доверившись чутью,
Венеру смел оставить.

Он рыцарем был хоть куда,
Был до чудес охочим,
К Венере под гору ходил
И к дамам ее прочим.

«Тангейзер, дороги вы мне,
Меня не забывайте,
Вы поклялись мне верным быть,
Измен не затевайте».

«Венера, клятв я не давал,
Не соглашусь я с вами,
От вас я слышал шквал похвал.
Господь – судья меж нами».

«Тангейзер, верить ли ушам?
Останьтесь здесь со мною,
Подругу верную я дам,
Что станет вам женою».

«Коль я когда-нибудь женюсь
Не по совету сердца,
Закроется за мною в ад
Навек тугая дверца».

«Об аде ты заговорил?
Смешны твои мне речи!
К устам пылающим прильни
И обними за плечи».

«Не прикоснусь до ваших уст,
Не жду от них спасенья.
Позвольте, милая, мне в путь
Идти без промедленья».

«В какой вы путь спешите так?
Нет, вас не отпущу я!
Тангейзер, милый, что за грусть?
Я жажду поцелуя».

«Да, жизнь моя теперь грустна,
Уйти пора настала,
Дай отпуск, нежная жена,
Любви мне плотской мало».

«Тангейзер, слышать не хочу!
Должно быть, вы не в духе.
Сейчас вас лаской излечу,
Любви дам на поруки».

«От этих ласк печаль берет,
А дух вполне мой крепок,
Чертовски жен красив народ,
Но больно крюк их цепок».

«Тангейзер, вы меня бранить
Задумали как будто,
Еще среди нас вам долго жить,
Умерьте гнев минутный.

Коль отпуск, верно, нужен вам,
Оставьте стариков,
Идите по своим делам,
Сыщу вам стол и кров».

Тангейзер вышел из горы
В тоске и покаянье:
«Отправлюсь-ка в почтенный Рим
Я к папе на свиданье.

Пойду с душою легкой в путь,
Господь придаст мне силы,
Урбан утешит как-нибудь,

Грех снимет до могилы.

Духовный отче мой, Урбан,
В грехах своих я каюсь,
Что в жизни совершил своей,
На милость полагаюсь.

Год целый жил я под горой
С Венерой и другими,
Прими меня и успокой
Надеждами святыми».

У папы жезл древесный был,
Чтоб мог он опираться:
«Коль жезл сухой мой пустит лист,
Грехи твои простятся!»

«Я меньше года проживу
Средь бренной сей юдоли,
Но покаянье принесу,
Не зря мы Бога молим».

Сказавши это, он ушел
Из Рима в горькой муке.
«Мария, Мати, снова мне
С тобою быть в разлуке.

Так снова под гору вернусь,
Останусь там навеки,

Там, у Венеры на руках,
Господь смежит мне веки».

«Привет тебе, Тангейзер мой!
Ждала тебя я долго,
Вспять воротился мой герой,
Вняв сердцем чувству долга».

У папы жезл на третий день
Покрылся вдруг листвою,
К Тангейзеру он шлет гонцов,
Но тот уж под горою.

В пещеру вновь певец сошел
И там вовек пребудет,
Пока глас трубный в Судный день
От смерти не пробудит.

Отцы святые, вы мирян
С доверьем принимайте,
Коль исповедаться хотят,
Грехи им отпускайте.

Неравный брак Устный фольклор

«Капусту ел и репу ел,
Уйти из дома захотел.
Добавила бы мать мясца,
Я б с ней остался до конца.

Когда б охотником был я,
Купил бы три себе ружья.
Ружьишка три, большого пса
Да девушку, как колбаса».

Красавицу он повстречал
Раз в чаще, севши на привал.
Она была как колбаса,
Могла жить без ружья и пса.

Он к матери ее привел,
А мать глядит за частокол:
«Сыночек, милый мой сынок,
Ты кабана, что ль, приволок?»

«Ах, мама, нет, то не кабан,
То милой девы крупный стан!»
«Коль это девушка твоя,
Заводь ее ты внутрь жилия,

Капуста с репой на столе».
«Лететь бы им на помеле,
Ведь я – мусье, капуст не ем,
Дай курицу ты нам хоть с чем».

Старуха взъелась на дитя
И говорит уж не шутя:
«Яйца четыре золотых
Она несет без выходных!»

Да ты взгордился, я смотрю,
Девчонку притащив свою».
«Что ж, мама, нас не обижай,
Другого мяса подавай».

Старуха все смекнула враз,
Угомонилась сей же час
И, кошку в доме отыскав,
Ее сварила без приправ.

Тут дева молвила ему:
«Сие мне яство ни к чему,
Не ем я кошек и котов.
Пойду домой, там суп готов».

«Ты что! – обиженный вскричал. —
Она превыше всех похвал,
Из благороднейших пород!»
А дева – в лес, зажавши рот.

«Что с ней случилось, не пойму.
Куда бежала, почему?»
Тут аппетит на них нашел,

И сели сын и мать за стол.

Старуха учит за едой:

«Порядок мир утратил свой:

Аж кошек перестали есть,

Мол, не про нашу кошки честь».

Колыбельная
Из «Народных сказаний Отмара»
(Бремен, 1800)

Хальберштадтский Буко,

Протяни нам руку,

Принеси на ножки

Красные сапожки,

С золотою оторочкой

Для любимого сыночка.

Ура-бурра, шутки прочь,

Уж карете не помочь,

Лошади увязли,

Сапоги погрязли,

Эй ты, кучер, не кричи,

Больше быстро не скачи.

Соловушка Листовка

Соловей, как трель-то льется,
Сердце скоро разобьется!
Прилетай меня учить:
Что мне делать, как мне быть.

Соловей, ты все летаешь,
Воду из ручьев таскаешь,
Будто бы вкусней она
Чарки сладкого вина.

Соловей, где жизнь привольней?
В кроне липы тонкоствольной
И с соловушкой твоей?
Шли привет любви моей.

Евреи в Пассау

**Из рукописного сборника духовных
песен в коллекции Клеменса Brentano**

Господь наш дал начало

Всем на земле вещам,
Теперь пора настала
Воспеть Его и нам.

Слыл Айзенхаммер Кристоф
Злодеем записным,
В Пассау он был неистов,
Никто не сладил с ним.

Решил он, что евреи
Окажутся добры,
Дадут их казначеи
Награду за дары.

Ему сказали: ладно,
Неси дары сюда,
Нам прыть твоя отрадна
Заплатим без труда.

В ночь бурную украдкой
Пришел безумный тать
И принялся облатки
Из церкви воровать.

За восемь гульден дали
Ему без лишних слов,
Ведь за одну считали
По тридцать пфеннигов.

Спешат евреи к храму,
Хлеб к алтарю несут,
И нож втыкают рьяно,
Верша свой мрачный суд.

Вдруг видят, кровь струится
С облаток тех святых,
И образ нежный зрится:
Дитя в летах молодых.

Объемлет страх их шаткий,
К равнину все спешат,
Отправить две облатки
Они хотят в Нойштадт.

Две в Зальцбург посылают,
Две в Прагу срочно шлют,
А две в руках сжимают,
Вопросы задают.

Они мечтою жили
Христа искоренить
И печку истопили,
Облатки чтоб спалить.

Но видят, вьется пламя,
Два ангела летят,
Два голубя крылами
В их души страх селят.

Преступник жадный Кристоф,
Иуда из иуд,
Тать на руку нечистый,
Ворует там и тут.

Он милостыню хочет
Вдобавок прихватить,
Но был он схвачен ночью,
И стали его бить.

Связали ноги-руки
И в ратушу снесли,
Признал он все те трюки,
Что с рук ему сошли.

И очевидней стала
Евреев злых вина,
Что их за мысль толкала
На подлые дела.

Епископ возмутился
Великим сим грехом,
На них он напустился,
Наведался в их дом.

Евреи тут признались:
Дары святые жгли,
Ножами покушались,

Услали в край земли.

Хоть четверо евреев
Одумались потом,
Крещение затеяв,
Склонились пред крестом.

Других в огне спалили,
А этих четверых,
Их все-таки крестили
И меч вонзили в них.

А Кристоф, кто все начал,
Дары кто продавал,
Щипцами был обхвачен,
Чтоб впредь не воровал.

Военная песнь против Карла V

Ср. Хартледера с. 425. На с. 423 есть любопытное описание барабанного боя немецких ландскнехтов: «Обычный барабанный бой неинтересен и смешон, каждый должен подыскать что-то свое. Старинный бой, который, на мой взгляд, только и заслуживает похвалы приостанавливается после пяти ударов: Бом-бом-бом-бом-бом, бом-бом-бом-бом-бом. Такой бой радует и укрепляет дух, придает немало физических сил. Толпа обычно присовокупляет к этому

бою какие-нибудь слова. Например:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.